

Региональная история в глобальном измерении

Проблемный анализ истории больших регионов – актуальная задача современной исторической науки в условиях быстрых социальных изменений. Глобализация мира имеет две стороны – интеграционные и дезинтеграционные процессы. Первые ведут к созданию унифицированных коммуникаций, ускорению обмена информацией, созданию транснациональных экономических и политических объединений. Однако обратной стороной данного процесса становятся процессы дезинтеграции исторически сложившихся культурных и политических стереотипов, политических границ. Данная тенденция ведет к образованию так называемых регионов – больших объединений, имеющих общие географические, культурно-исторические и экономические параметры развития, которые обеспечивают устойчивое развитие этих территорий, а также их коммуникации с другими регионами. Возникает сложная иерархия отношений на глобальном уровне, с одной стороны, региональном и межрегиональном, – с другой. Исторический аспект этой проблемы становится одним из приоритетных направлений современной российской историографии¹. В рамках представленного читателю проблемного номера мы делаем первый шаг в комплексном изучении данной темы².

Региональное направление в современной науке и политике

В современной науке и высшей школе появилась особая дисциплина – регионоведение (или регионалистика), ставящая своей задачей интеграцию (в идеале – синтез) подходов и методов различных дисциплин при изучении регионов – их формирования, структуры, функционирования и тенденций взаимодействия. Трудности, связанные с определением методов этой дисциплины, хорошо отражают сложность изучаемого феномена. Эта сложность выражается в различных исследовательских конструкциях изучаемого явления – «региона» (от *лат.* *regionis* – область), отличительной чертой которого, в отличие от других близких, но более узких, понятий (например, района) признается его относительная самостоятельность по отношению к существующим (и часто закрепленным формально) системным параметрам территориального деления (регион не обязательно выступает таксономической единицей в принятой классификации сложно-организованных областей, имеющих обычно иерархическое строение).

Требуется ответ на следующие вопросы: что такое регион, по каким критериям его следует выделять (должны ли среди них преобладать географические, экономические, правовые или национально-этнические параметры); как быть с историческим изменением границ региона или его значимости в геополитическом пространстве; как влиянию на самоидентификацию региона процессы его вовлечения в глобальные структуры и стремление защитить свою культуру и историю; какова культурная самоидентификация региона, насколько она востребована современными общественными движениями и средствами массовой информации; какова роль межгосударственных, общегосударственных и собственно региональных факторов в развитии политических процессов, конфигурации политических институтов и партий, осуществлении местного управления и самоуправления. Наконец, на основании каких параметров (кроме экономики) можно говорить об успешных и неуспешных регионах и их вкладе в развитие страны и культурное многообразие мира.

Исследователи современной Европы констатируют процессы регионализации, как устойчивую тенденцию ее развития³. Все признают, что регионализация – обратная сторона интеграционных процессов. В условиях европейской интеграции идет спор о таких понятиях как конфедерация, федерация, деволюция, автономизация, регионализация, которые охватывают реальность очень значительного числа стран и имеют определенное юридическое выражение. Пересматривается ряд юридических понятий, казавшихся совершенно незыблемыми (как, например, понятие государственного су-

веренитета). В рамках этого подхода ведется изучение отдельных регионов, в частности, Северной Европы⁴.

В то же время процессы дезинтеграции, охватившие современный мир, могут рассматриваться как поиск основ новой системной интеграции, происходящей теперь не на национально-государственном, но скорее транснациональном уровне. Целостная региональная идентичность способна выполнить важную культурную и политическую роль: понять место региона в рамках единой системы национальных и гражданских (а не этнических только) ценностей; раскрыть взаимодополняющий характер культурных взаимодействий в рамках «большого региона» (или «мезо-региона»), подорвать основу узких этнически-ориентированных проявлений сепаратизма, поскольку в современном мире региональная историческая память часто становится питательной средой националистических устремлений – от Соединенного королевства до Балкан и Индонезии⁵. Становится возможным сформировать такие ориентиры национальной политики в социальной и экономической сфере, которые будут более тесно связаны с процессами межрегиональной интеграции, включающей как правовые, так и фактические отношения, с местными особенностями и спецификой региона, наконец, разобравшись в том, почему те или иные государственные программы испытывают трудности в ходе их реализации на региональном уровне. Регион, следовательно, есть интегральная категория, объединяющая различные параметры системных классификаций объекта – от экономики и права до исторической географии и социальной психологии.

Очевидно, что поиск ответа на поставленные вопросы следует искать на междисциплинарном или даже метадисциплинарном уровне путем создания моделей регионального развития, учитывающих всю совокупность изучаемых процессов. Такой тип исследований, основанный на конструировании идеальных типов соответствующего региона, оказывается чрезвычайно полезен для интеграции результатов исследовательской работы представителей различных областей знания – экономистов, историков, этнографов, антропологов, лингвистов, краеведов. Речь идет о реконструкции региональной идентичности в ее историческом формировании, которая отнюдь не сводится к какой-либо отдельной составляющей.

Региональный подход в российской историографии и исторической географии

Региональный подход в российской историографии традиционно был связан с исторической географией, интерпретацией ее предмета, метода и понятийных инструментов. Отметим значение и основополагающую роль в изучении этих вопросов магистрального направления академической науки – государственной школы XIX – начала XX в., для которой географический подход являлся общей основой понимания русского исторического процесса. В трудах основных представителей государственного направления – С.М. Соловьева, А.Д. Градовского, В.О. Ключевского, М.К. Любавского, П.Н. Милокова, А.С. Лаппо-Данилевского географический фактор выступал как определяющий при интерпретации процессов колонизации, определения границ государства (борьба «леса» со «степью»), формирования специфических отношений общества и государства – института крепостного права, механизмов закрепощения и раскрепощения сословий государством. Концепция биосферы В.И. Вернадского – создателя современной экологической теории, – также проникнута вниманием к этим вопросам. Центральное место географического (геополитического) фактора было характерно при формулировании российской имперской стратегии внешней политики, в частности, при обсуждении выхода к морским и торговым коммуникациям, колонизации новых регионов, обосновании системы военно-политических союзов.

В последующей российской историографии данное направление было положено в основу изучения отдельных регионов с точки зрения их географического положения, демографического состояния и хозяйственной самодостаточности (в рамках трудов Вольного экономического общества, экономико-географических и земских статистических обследований). Ключевое значение имело исследование этапов географиче-

ских открытий и колонизации (в частности, в рамках известной дискуссии о социальных параметрах колонизации северных территорий), а также выявления связанной с этим специфики их политической истории на ее ключевых этапах⁶. Основатели современной российской школы исторической географии – А.И. Андреев, В.К. Яцунский, О.М. Медушевская и др., – уделяли колонизационному фактору чрезвычайно существенное внимание⁷. Они сформировали научную школу, в рамках которой важное место отводилось обоснованию критериев регионального деления и изучению его экономических, социальных и национально-этнических и культурно-антропологических составляющих, а также картографических данных⁸.

В настоящее время эти исследования продолжены на базе междисциплинарных подходов, в частности – расширения предметной области самой исторической географии. «Ядро исторической географии, – подчеркивают современные исследователи, – составляет комплексное изучение ойкумены (обитаемого человеком пространства): исследуются ее физическая, экономическая, политическая география, частично – демографические проблемы и т.п. Однако эти традиционные формулы отнюдь не исчерпывают содержание исследований исторической географии как дисциплины, изучающей историю человечества в пространственном аспекте. Области пространственного распространения культур – материальных, языковых, духовных – могут являться одной из сфер, изучаемых исторической географией. Материальная культура, основы которой едины для населения определенного региона, во многом определяет жизнь человечества в этом регионе, его взаимоотношения с природной средой. В свою очередь, природа является одним из факторов складывания той или иной модели материальной культуры. Ареал языка, влияние пространства на складывание языка и диалектов также трудноотделимы от исторической географии, являясь одной из форм пространственных культурных различий или же, наоборот, культурного единства»⁹. Современная историческая география, следовательно, связана с пониманием креативности пространства, изучением социального ландшафта, изучением проблем восприятия времени и толкованием культурного прошлого, а также воображаемой идентификации и глобализации, влияния этих факторов на интерпретацию места расселения этнических групп, типологии архитектуры и градостроительства. Эколого-социальная интерпретация пространства предполагает, поэтому, взаимосвязанный анализ географических условий и культуры, учет локального контекста при определении регионов, границ, социальной топологии и тенденций их изменения в истории (например, данные о морских течениях и ветрах оказываются информативными для истории мореплавания и торговли, расселения народов, географических открытий).

Примечательно, что за проведенным в Петрозаводске 20 ноября 2008 г. «круглым столом», материалы которого публикуются в данном номере, по вопросу о критериях выделения Северного региона был представлен интегральный взгляд и фигурировали сходные аргументы – общность исторического генезиса, особенности процесса освоения и колонизации региона; географические и природно-климатические факторы; специфический строй аграрных отношений (отсутствие крепостного права и большее развитие рыночных отношений); характер отношений русского населения с автохтонным населением; значение монастырей и религиозной культуры в ассимиляции населения; формирование и конкуренция региональных центров (Новгород, Петербург, Архангельск, Петрозаводск, Сыктывкар, Мурманск, Вологда); становление культуры Русского Севера как целостного историко-антропологического феномена, получившего выражение в письменных источниках, фольклоре, архитектуре; формирование особого образа региона в сознании его населения.

Определение границ региона: три подхода в современной историографии

Ключевой методологической проблемой является определение границ региона, решение которой в концентрированном виде выражает различие используемых критериев. Здесь (как и вообще в современной теории познания и конструирования понятий)

имеет место три основных подхода: онтологический, конвенционалистский и социально-психологический.

Первый исходит из того, что используемые понятия – отражение определенной реальности, которую можно описать и выразить в категориях разных дисциплин (географии, этнологии, демографии и т.п.). Таким регионом может быть признан Русский Север, включающий в себя территории пяти современных субъектов Федерации, расположенных на Севере Европейской части России: Архангельская, Вологодская, и Мурманская области, Республика Карелия и Коми-край (до революции три губернии – Архангельская, Вологодская, Олонецкая). В рамках этого подхода спор возможен лишь о нюансах экономико-географического положения отдельных территорий региона (например, спор об отнесении к Русскому Северу Вологодского края, который имеет черты сходства с Севером и Центром России).

Второй подход (конвенционалистский) видит во всех понятиях результат субъективного конструирования реальности, следствие договоренности (конвенции) между исследователями для удобства междисциплинарного диалога. Он стоит на позициях географического релятивизма и использует такие понятия как «идеологическое конструирование границ», подчеркивая их относительность и изменение в истории под влиянием геополитических и субъективных факторов. Русский Север – это условное понятие, границы которого зависят от осознания геополитической ситуации (например, от Южной границы), а также от способности к освоению новых территорий (по мере их расширения границы конструируемого понятия «Севера» отодвигаются все дальше на географический Север). Соответственно границы региона определяются самим исследователем (или волей законодателя в прошлом), но не имеют жесткого географического обоснования.

Третий подход (социально-психологический) признает существование определенной реальности, лежащей в основе конструирования понятий, однако усматривает ее не столько в естественно-научных параметрах, сколько в социально-психологической реальности, так называемой «ментальной географии», т.е. в самооценке принадлежности населения к определенному региону (которая может также претерпевать изменения в истории, например, это прослеживается в отношении объема понятия «северяне»).

Все три подхода различаются методологией конструирования понятий, их объемом и наполнением их содержания. Они предлагают свои определения региона – Европейский Север России (в основе – географический фактор); Российский Север (в основе – представления исследователя о меняющейся национально-культурной идентичности народов в рамках политических образований – Московской Руси, Российской империи, Советского Союза или постсоветской России); Северная Россия (в основе – самоидентификация «северян»).

Очевидно, что эти три подхода не могут договориться по проблеме границ региона уже в силу методологических разногласий в определении самого понятия «граница». Хорошим примером этих трудностей может служить научный спор в отношении Финляндии: относить ее к региону Русского Севера (поскольку она представлена в нем географически); включать ее в этот регион в зависимости от исследовательской позиции (она являлась частью региона, когда входила в Российскую империю, но затем перестала ею быть) или просто исключить ее из этого региона (на основании того, что финское население имело другую культуру и никогда не считало себя русским).

Междисциплинарные подходы не только способствуют преодолению этих трудностей – созданию объемного образа региона, но и раскрывают объективное противоречие различных направлений его позиционирования и самопрезентации: регион, имеющий выгодное экономическое положение, может оказаться несостоятельным со стратегической точки зрения; экономически депрессивный регион, напротив, может получить важное политическое значение или обладать исключительно важным информационным потенциалом культурного характера; наконец, статус региона может измениться под влиянием «большой игры» великих держав или глобальных геополитических процессов.

тических процессов. Поэтому в современной регионалистике важна комбинация подходов, ситуационный анализ и моделирование, прежде всего – использование таких методов как системность, вариативность и функционализм.

Системная концепция: отношения «центр–периферия» как поиск баланса интересов в регионе

Первое направление (системность) – означает рассмотрение региона как подсистемы более крупной (интернациональной или национальной, международной или государственной) системы. Неоднократная смена геополитических координат в Новое и Новейшее время (XVI – XX вв.) ведет к изменению статуса северного пространства, прежде всего по отношению к другим регионам мира. При таком подходе ключевое значение имеет отношение «центр–периферия», конструкция которого должна учитывать возможность изменения баланса между ними, а также возможность перемещения самого «центра» в истории. Примером может служить разрушение баланса сил в Северном регионе под влиянием межгосударственных (трансгосударственных) факторов, таких, как мировые войны и революции XX в., наполеоновские войны начала XIX в. или Северная война начала XVIII в. Будучи переломными событиями мирового значения, становящимися основой нового геополитического устройства, они имели неодинаковое значение для различных регионов мира. В рамках макрорегиона Европейского Севера сопоставимое самостоятельное значение имели русско-шведская война 1808–1809 гг., закончившаяся присоединением Финляндии к России (Фридрихсгамский мир 1809 г.); поиск баланса интересов великих держав – Англии, Франции, России при решении вопроса независимости Норвегии или Финляндии, установление системы балансов в регионе после Второй мировой войны.

В то же время системный подход позволяет осуществлять моделирование регионального развития, учитывая позиции разных сторон конфликта. Это дает возможность с научных позиций определить устойчивые тенденции отношений государств региона (России, Швеции, Норвегии, Финляндии); формирование границ; а также феномен их направленного конструирования в зависимости от того, что данная сторона считает «центром», а что «периферией». Идеологическое конструирование географического пространства включает поиск границ между Западом и Востоком, но также между Севером и Югом, определение места Северного региона в глобальной геополитической ситуации. В рамках данной концепции становится возможным интерпретировать меняющиеся соотношения различных геополитических стратегий в отношении региона (традиционное соперничество «северного» и «южного» направлений российской дипломатии, связанных с борьбой за выход к морским коммуникациям). Конкуренция трех стратегий – балтийской, черноморской, затем дальневосточной (выход к мировому океану) оказывается магистральной проблемой всех периодов истории, определяя меняющееся значение северного региона.

Системный подход во многом объясняет формирование и смену устойчивых стереотипов политического сознания (например, фрейдистская «теория страхов» при анализе места России в Европе). Это позволяет как минимум сбалансировать историографические оценки ключевых исторических событий, по которым в историографии высказывались диаметрально-противоположные тезисы. Информативным примером является поиск взаимоприемлемых оценок сверх-идеологизированного феномена партизанского движения, с одной стороны, и коллаборационизма в годы Второй мировой войны, – с другой.

Механизмы регионального развития: основные параметры и их взаимодействие

Второе направление исследований – механизмы регионального развития. Моделирование регионального развития включает ситуационный анализ – определение основ-

ных параметров и вариативность характера их взаимодействия. К числу таких параметров относятся следующие.

Во-первых, стратегические соображения геополитического соперничества в регионе. В историографии XIX в. и значительной части XX в. место региона традиционно определялось его геополитическим положением, из которого выводились территориальные претензии государств друг к другу. Но это положение не постоянно, оно все время меняется под влиянием различных факторов, в том числе совершенно непредсказуемых (например, новых технических открытий, влияющих на использование тех или иных природных сил или ресурсов). Поэтому выводить из геополитики некие неизменные константы (как это было принято в период империалистического раздела мира) – неправомерно. Так, на статус Северного региона в разные периоды истории оказывали влияние различные факторы: политические (смена доминирующих держав и союзов), торговые (наличие или отсутствие альтернативных коммуникаций), природные (незамерзающий характер Баренцева моря), военные (например, возможность превращения Архангельского порта во «вторые Дарданеллы»), технические (транспортная инфраструктура). Констатируется возможность изменения статуса Севера в будущем в связи с глобальным потеплением (таянием льдов) и началом глобальной конкуренции за природные ресурсы в Арктике.

Во-вторых, социальные, экономические и коммерческие приоритеты. Фактор отсутствия на Севере крепостного права (преобладание вотчинных крестьян, позднее ставших черносошными и государственными) следует воспринимать как фундаментальное явление, определившее специфику экономического развития региона. Ее ключевыми особенностями (в сравнении с общероссийской ситуацией) стало последовательное движение в направлении рыночных отношений, коммерческой и экспортной ориентации; соединение консервативных тенденций (например, существование крестьянской общины) и инновационных подходов (развитые формы кооперативного устройства и индивидуального промыслового предпринимательства); большая открытость в отношении внешних рынков (отходнические промыслы и торговля со странами Скандинавии, хозяйственные миграции населения); использование традиции для легитимации правовых гарантий собственности (жалованные тарханские грамоты монастырям, частноправовые акты – купчие на землю XV–XVII вв., подробно разрабатывавшиеся еще в рамках курса дипломатики частного акта А.С. Лаппо-Данилевского)¹⁰, существование в регионе особой хозяйственной этики, ориентированной скорее на инициативу и предприимчивость, нежели на послушание и дисциплину, свойственных земледельческой культуре центра¹¹.

Эти тенденции не могли получить полноценного развития, поскольку ограничивались извне: доминирующими культурными стереотипами мобилизационной экономики и служилого государства; системой крепостнических отношений, определяющей ролью государственной политики, которая была далека от стабильности и предсказуемости, например, в таких критически важных областях как определение стратегических приоритетов, таможенная политика (в которой чередовались периоды протекционизма и либерализации), структура экспорта (традиционные ресурсы северной торговли – меха, рыба, лес в соотношении с новыми видами экспорта), а также меняющимся значением отдельных портов и режима их функционирования (воздействие тарифных и нетарифных мер внешнеэкономического регулирования).

В-третьих, степень гомогенности населения региона; наличие или отсутствие деструктивных факторов социальной мобильности. Национальная составляющая проблемы регионального устройства включает: анализ этно-национального баланса в регионе и его изменения в результате миграций населения (например, переселения на Мурманский берег норвежцев и финляндцев и возникновение на этой основе новых поселений и торговых факторий, соответствующая организация пароходного сообщения и строительство инфраструктуры); вопросы адаптации и ассимиляции малочисленных народов (саамы, лапландцы, ненцы, финны, карелы, вепсы и др.), их стремление и способность сохранить свою культуру в непростых условиях унификации и мобилизации

человеческих ресурсов (например, путем межпоколенческой трансляции норм хозяйственной этики, культивирования национальных традиций в фольклоре, деятельности местных просветителей); выработки особых технологий предотвращения конфликтов на национальной основе, связанных, в частности, с территориальными спорами между Россией и ее соседями – Данией, Швецией, Норвегией и Финляндией по поводу принадлежности пограничных земель и отстаивания исторических прав народов на определенные территории, а в настоящее время также по вопросам экологической безопасности региона. Этнокультурные процессы становятся интенсивнее в новейшее время в контексте конфликтов модернизации и направленной социальной мобилизации, например, в связи с анализом отношений местного населения коми (зырян) со спецпереселенцами и заключенными лагерей ГУЛАГа, численность которых оказалась настолько велика, что определила смещение демографического и культурного баланса в регионе, повлияв на создание совершенно новых субкультур, включая криминальную. Северная российская эмиграция и складывание северной периферии русского зарубежья внесли самостоятельный вклад в эту картину масштабных миграций и переселений в регионе в XX в.

В-четвертых, развитие коммуникаций как на межрегиональном, так и внутрирегиональном уровне. Роль коммуникаций – путей сообщения и, соответственно, направлений колонизации, раскрывается по следующим направлениям: проблема выхода к морям и торговым путям; роль монастырей как форпостов колонизации в древности; военно-морские пути и базы – выход через Северный регион к мировому океану и возможность глобальных стратегических коммуникаций через незамерзающее Баренцево море (тема, оказавшаяся актуальной в период двух мировых войн и холодной войны, когда регион использовался для базирования Северного военно-морского флота); железнодорожное строительство, в частности линии Вологда-Архангельск и Петроград-Мурман, проекты развития железнодорожной инфраструктуры для связи Финляндии с империей в конце XIX в. Транспортное значение региона, как свидетельствуют проведенные исследования, особенно возрастало в период мировых войн как коридора для поставок западного оружия и помощи. Но железнодорожное строительство и флот – были вызовами мировой политики, а не особенностями развития самого региона, в связи с чем стратегическое значение отдельных видов коммуникаций и их место не было неизменным с точки зрения логистики (проект трубопровода «Северный поток») и обороны (в особенности с развитием межконтинентальной авиации и баллистических ракет).

В-пятых, фактор использования новых технологий для модернизации и ускорения развития региона в новое и новейшее время. Север, по мнению современных исследователей, выступает не только как периферия империи, благоприятная для консервации культур, но и в качестве площадки взаимодействия и симбиоза культур (посредством конкуренции, миграций и торговли). Ключевое значение в ходе модернизации региона имели промышленный переворот; индустриализация и урбанизационные процессы, а также связанные с ними демографические и цивилизационные изменения – переход населения в города, развитие школ и грамотности (в том числе автохтонного населения), формирование городской культуры – научных и образовательных учреждений, университетов, профессиональной интеллигенции.

Как и повсюду, модернизация сопровождалась потерями и издержками, которые для Северного региона оказались особенно значительны и выражались в ретрадиционализации социальных отношений, так как были связаны с факторами внеэкономического принуждения. В советский период регион развивался по общегосударственным параметрам, но имел специфику: отмена рыночных отношений не устранила до конца их существования (которое приняло завуалированные формы и получило развитие среди крестьян в период нэпа). В регионе, как удалось показать на основе выявленных в последнее время источников, существенную роль играла лагерная экономика, которая была способом форсированной индустриализации и модернизации. Ее ресурсом

был принудительный труд заключенных – часто высокопрофессиональных специалистов, попавших в лагерь ГУЛАГа, колонии и резервации спецпоселенцев.

Анализ их состава дает не только срез общества, но и показывает преобладание его наиболее креативных и динамичных элементов: это были раскулаченные крестьяне, духовенство, городская интеллигенция, в том числе, представители репрессированных народов. Все они использовались крайне непроизводительно для целей мобилизационной экономики (главным образом в лесной промышленности), но оказали известное цивилизирующее влияние в образовании, искусстве и архитектуре. Модернизация аграрной экономики на Европейском Севере, как и по стране в целом, имела тяжелые негативные следствия – падала капитализация крестьянских хозяйств за счет применения различных (прямых и косвенных) механизмов изъятия ресурсов. Результатом стали скачкообразность и незавершенность процессов модернизации.

Централизация и децентрализация: функциональная составляющая социальной динамики на региональном уровне

Третье направление – анализ динамики функционирования региона в контексте процессов децентрализации и централизации, концентрированным выражением которой становятся меняющиеся концепции отношений центра и периферии, роль центральной государственной власти в форматировании регионального пространства. В литературе констатируется сохраняющаяся общая юридическая неопределенность российской модели федерализма¹², конкуренция различных его концепций (договорной и конституционной), восходящее к 1990-м гг. соперничество двух магистральных тенденций (федерализации и губернализации), неустойчивость и колебания в отношениях Центра и региональных политических элит в переходный период, а в конечном счете, растущее стремление разрешить противоречия привычными авторитарными методами¹³. Речь идет о всей системе отношений по линии: государственность – региональные интересы – местное управление¹⁴. Эти процессы актуализируют исторический аспект проблемы: в какой мере региональные интересы соответствовали государственным приоритетам на разных этапах истории; как Центр обеспечивал реализацию своей политики и как, в свою очередь, регион стремился отстаивать самостоятельность (или, как минимум, культурную самобытность)?

История отношений Северного региона с Центром выражается в чередовании периодов соперничества и партнерства – децентрализации и централизации. Тенденции к обособленности региона проявлялись особенно заметно в периоды дезинтеграции государства – Смутного времени начала XVII в., российских революций и Гражданской войны начала XX в. Констатируется связь обособленности региона с ролью Севера в Гражданской войне: антибольшевистские центры, возникшие в регионе, являлись выраженной гражданской альтернативой центральному большевистскому режиму, стремясь противопоставить ему иную конструкцию политической власти, основанную на стремлении совместить авторитаризм с демократией. Эпоха экспериментов в региональном устройстве на Европейском Севере, – считают исследователи вопроса, – достигла апогея в период революции и Гражданской войны, породив разнообразные проекты новых административно-территориальных образований и трансформации прежней административной структуры региона. Их разработка велась на различных уровнях – от волостей и губерний до центральных правительств, а обсуждение и селекция вовлекали различные политические силы – от партии, самоуправлений и экономических органов до военного командования и спецслужб.

Позднее стремление к известной автономии и оппозиция режиму в регионе выражалась скорее в неприятии экономических экспериментов новой власти (ограничение рыночных отношений) и насаждаемых ею идеологических стереотипов. Это движение было подавлено: в 1920–1930-х гг. центр восстановил контроль, покончив с идеями региональной самостоятельности (спецпереселенцы выступали как значимый ресурс в этой игре).

Напротив, тенденции к усилению присутствия центральной власти в регионе, временами доходившие до сверхцентрализации, – представлены в периоды объединения и «собирания земель»¹⁵. Так было в период формирования государственности, когда переход России от удельной раздробленности к общенациональному государству выражался (особенно после покорения Новгородской республики Иваном III) в созданных на местах новых органах и способах управления (наместники и приказная администрация). Так было в период империи, когда центральная власть стремилась жестко контролировать проведение реформ в регионе с помощью института генерал-губернаторов. Имперский институт наместников и генерал-губернаторов (возможно, являющийся в этом отношении предтечей современного института полномочных представителей) иллюстрирует структуру централизованной системы государственного управления, позволяя раскрыть систему административных коммуникаций; документооборота между региональными и центральными учреждениями; приоритеты регионального управления; институциональные параметры и роль личного фактора в принятии ключевых решений в различные периоды (например, при изучении организации местного управления в Архангельской и Олонецкой губерниях в первой половине XIX в. и в эпоху Великих реформ 60-х гг. XIX в.). Эти тенденции достигли наивысшего проявления в условиях советской сверхцентрализации, осуществлявшейся во имя индустриализации и модернизации. Но проведенные исследования убедительно показывают ограниченность данной модели: она могла быть эффективна лишь в экстремальных условиях экономической и военно-политической мобилизации на коротком промежутке времени и утрачивала свою динамику при необходимости последовательного решения более сложных управленческих задач современного общества.

Тенденции к централизации и децентрализации, исторически представленные в регионе, находят продолжение и дают новые аргументы в спорах о конструировании федерализма и регионализма в современной России.

Конструирование образа региона: формирование, восприятие и функционирование

Современные методологические подходы, раскрывающие механизмы человеческого познания, отказываются от жесткого детерминизма в историко-географических исследованиях. Пространство, как и время, предстают в известной мере субъективными категориями – своего рода шкалой, которую человек использует для структурирования текущей и нерасчлененной реальности окружающего мира. Если согласиться с таким подходом, то историко-географическому исследователю важно понять прежде всего, от каких факторов зависят представления человека определенной эпохи о территории и ее разделении на регионы, устойчивость границ которых может со временем трансформироваться. Это – изучение природной среды, территории обитания человека, географии населения, городов; вопросы исторической топонимики; геополитической проблематики; в целом, проблемы «человек и пространство».

С этих позиций в современной историографии Русского Севера используются методы реконструкции культурного ландшафта («зона встречи цивилизаций»), выявления структуры общественного сознания (консервативность и стремление к свободе личности, восходящее, возможно, еще к Новгородской вечевой республике); преемственности его приоритетов путем анализа социальных стереотипов, восходящих к язычеству и старообрядчеству, и зафиксированных в памятниках эпохи – былинах, фольклоре, архитектуре, текстах позднейших литературных произведений, этнографических данных, вещественных памятниках, интерпретируемых как исторические источники¹⁶.

С другой стороны, чрезвычайно перспективно выяснение тех параметров, в которых «регион», как устойчивое образование, выражает себя в общественном сознании разных эпох. Культурный «дизайн» региона выражается в таких категориях как самоидентификация его населения в рамках определенного географического пространства (различные представления о «Русском Севере»); подчеркивание особенностей куль-

турных традиций (обычно по линии противопоставления провинциальной культуры – центральной, а по сути – общенациональной); стереотипов региональной политики – движений, партий, лидеров, отстаивавших самобытные черты культуры (например, деятельности карельских просветителей). С этим связано внимание к антропологической составляющей: конструирование национальных или этно-национальных «историй» (например, создание автономного культурного пространства для малочисленных народов и их «мифов»). Примером современной стратегии самопрезентации региона может служить тезис о бесконфликтном сосуществовании народов и отсутствии выраженных межэтнических противоречий по линии «мы – они», подкрепляемый ссылками на положение мигрантов (финнов, норвежцев, ссыльных поляков и т.д.). Возможно, проблема Кондопоги воспринимается столь остро именно потому, что не соответствует данному историческому имиджу региона. Выстраивание позитивного образа региона включает обращение к синтезу региональной и национальной культуры, причем в последней подчеркиваются именно те элементы, которые «работают» на интернациональный престиж региона в целом (например, феномен ориентации северной интеллигенции на высокие стандарты петербургской университетской культуры, роль элиты российской ссыльной интеллигенции в формировании культуры или ключевая общенациональная роль Петрозаводского университета в изучении культуры Финляндии).

Наконец, существенное значение имеет выяснение того, каким образом происходит выстраивание и защита культурной идентичности региона, что не в последнюю очередь определяет его будущее. Первая сторона проблемы – доказательство исторической давности культурных традиций: символика, язык, артефакты (вещи), источники – письменные (акты, хроники), устная история. Другой стороной проблемы выступает обоснование генетической принадлежности культурных прав, включающее анализ хозяйственной и религиозной колонизации региона, отношения с местным населением, что актуализирует вопросы исторической топонимики (изучающей имена собственные географических объектов), административно-церковного деления, размещения монастырей как форпостов колонизации; создания культурных и религиозных центров, географии этносов, технологии культурной ассимиляции и сохранения самобытности. Это направление исследований связано с изучением источников по истории православной церкви (архивы монастырей Кольского Севера XVI–XVII вв.); роли духовенства, как в развитии религиозной идентичности, так и в государственном плане (например, данные о рекрутировании чиновничества из состава духовенства); вопросы самоидентификации духовенства (отношения его с другими социальными слоями, в частности, крестьянством и аборигенами), а также роли региональной интеллигенции в оппозиционных движениях. Третьей стороной проблемы (до последнего времени не столь выраженной в регионе) могут стать вопросы судебной защиты прав коренных народов Русского Севера (как это представлено в других регионах мира, например, защита аборигенов Аляски, Канады, Южной Африки и Австралии). Частью этой проблемы становятся процессы христианизации, просвещения, создание письменности коми, саамов, ненцев, карелов, социальная и культурная адаптация малочисленных народов на современном этапе.

Вклад региональных научных школ

Поиск профессиональной идентичности исторической наукой в постсоветский период и, в частности, на современном этапе выражается в восстановлении научных традиций, создании новых направлений и научных школ. Реконструкция региональных исторических школ (в общенаучном, а не краеведческом смысле) часто идет через демонстративное противопоставление центру, который обвиняется (возможно, не всегда обосновательно) в неоправданном априоризме теоретических конструкций, недостатке внимания к региональной специфике исторических процессов, географическом нигилизме. Регионализация социального пространства выражается в регионализации ис-

ториографии, когда, наряду с появлением национальных школ, формируются региональные, связанные, как правило, с местными университетами.

Отмечая неоднозначность понятия «историческая школа», не имеющего общепринятого определения в русской и европейской научной мысли, исследователи расходятся в их интерпретации: одни понимают под ними направления научной мысли и педагогической практики, созданные отдельными выдающимися учеными или группой ученых, разделявшими сходные методологические установки (как, например, школа Лаппо-Данилевского); другие используют это понятие применительно к определенным университетам или научным центрам (как Московская, Петербургская или Петрозаводская школы); третьи пишут о региональных школах русской историографии, имея в виду, специфику и рамки подхода к историческим явлениям (например, уральская школа, сибирская, архангельская и т.п.); наконец, четвертые вообще ведут речь о национальных школах (например, шотландская школа русской истории). Кроме того, вполне оправданно говорить о научных школах, появление которых связано с обращением к определенному конкретному объекту исторического исследования¹⁷. В рассматриваемой историографии Русского Севера представлены труды, раскрывающие становление таких устойчивых направлений как регионалистика (Петрозаводская школа изучения скандинавской истории и культуры), интеллектуальная история (история просвещения, консервативная и либеральная мысль на Севере), история национальных меньшинств на постсоветском пространстве и за его пределами (карелов, финнов, саамов), краеведение (локальная история), а также историография отдельных крупных проблем истории, экономики и культуры России (лучший пример – Вологодский аграрный симпозиум).

Формирование этих школ на постсоветском пространстве имеет свою историю, представляющую собой попытку адаптации к новой реальности местными средствами. Она включает освоение источниковедческих резервов и новые направления в историографии; формирование научных школ, акцентирующих внимание на связи национальной истории с ее региональными аспектами, отражение этой тематики в критике и библиографии. К позитивным явлениям постсоветского периода в отечественной науке отнесены «разрушение границ былой замкнутости и многочисленных табу», следствием чего стало «мощное обновление, пронизывающее и мировоззренческие пласты сознания историка, и его теоретико-методологический инструментарий», обновление, приведшее историков к переосмыслению представлений «о смысле и способах познания исторического прошлого»¹⁸. К негативным явлениям или, точнее, трудностям исторической науки и ее представителей, относятся проблемы адаптации к изменившемуся и продолжающему меняться миру, необходимость быстрого освоения значительно возросшего объема знаний и методов, представленных в мировой науке (в частности, в исторической регионалистике), а также решение региональными историками проблем поиска профессиональной идентичности в системе национальных и транснациональных научных коммуникаций.

Данный круг проблем делает актуальным анализ процессов, происходящих в самой региональной исторической науке, осуществляемый с позиций историографии и социологии науки. К числу основных проблем относятся: личность историка и вызовы времени; творчество и модели поведения в социуме и научном сообществе; типы и модели научных коммуникаций историков в контексте интеллектуального и культурного общения; социокультурная функция исторического и историографического знания; проблемная историография в условиях общественно-политических и культурных трансформаций российского общества; столичное и провинциальное в традициях историографической культуры; вклад историографии в самоидентификацию региона.

Итак, региональное направление исследований становится важной самостоятельной частью современной историографии. Понятие региона как интегрального целого позволяет аккумулировать методы различных дисциплин и выстроить модель социальных процессов на региональном уровне. При этом речь идет как минимум о трех измерениях: отношения глобального уровня и регионального; отношения между регионами

одной страны и, наконец, динамика процессов внутри самого региона; а также независимое социальное функционирование образа региона в мировом и национальном информационном контексте. Комбинация трех уровней и выяснение исторической динамики процессов позволяет вовлечь в научный оборот очень существенный новый информационный ресурс. Это – ресурс региональных источников, которые не входили в поле магистрального внимания исследователей, заинтересованных прежде всего в изучении макропроцессов, или привлекали их внимание исключительно для проверки общих тенденций развития на локальном уровне.

Ключевой проблемой, объединяющей специалистов различного профиля в рамках междисциплинарного подхода, является проблема границ региона – критериев их выстраивания, обоснования их правомерности с позиций различных дисциплин, а также анализ динамики исторического изменения. Рассматривая регион как единую систему, имеющую развитые коммуникации, мы оказываемся способны определить иерархию приоритетов его развития, а также направления презентации и функционирования конструируемых образов в информационном пространстве.

Современные исследования наглядно показывают, что социальные процессы в регионах, хотя и связаны с макропроцессами, имеют в то же время свою собственную динамику, логика изучения которой обусловлена поиском особенностей и специфических факторов местного значения. Возникает возможность раскрытия механизмов, связывающих географию, экономику, политику, идеологию и новые технологии. Данный подход не только обладает значительной интерпретационной силой, но позволяет выстраивать прогностические концепции, опирающиеся на методы регионалистики и региональную источниковую базу.

Проблемный выпуск журнала, представленный вниманию читателя, имеет целью отразить новые тенденции в исторической науке, но в то же время способствовать направленной дискуссии по актуальной теме с участием российских и зарубежных исследователей – специалистов различного профиля, представляющих центральные и региональные научные учреждения и университеты.

* * *

Настоящий выпуск подготовлен журналом «Российская история» совместно с Петрозаводским государственным университетом (ПетрГУ) при участии ведущих специалистов ряда научных и образовательных центров Москвы, Европейского Севера России и стран Северной Европы.

Координаторами проекта выступили, *со стороны ПетрГУ*: декан исторического факультета, кандидат исторических наук, доцент С.Г. Веригин; заведующий кафедрой истории дореволюционной России, кандидат исторических наук, доцент А.М. Пашков; *со стороны журнала*: член редколлегии, доктор исторических наук, профессор С.С. Секиринский.

Выражаем искреннюю благодарность всем, кто откликнулся на приглашение принять участие в реализации данного проекта. Наш редакционный «портфель» пополнился, безусловно, ценными материалами, не все из которых, к большому сожалению, удалось поместить в данном выпуске исключительно в силу жестких ограничений объема номера. Но редакция намерена продолжить творческий диалог с авторами этих работ, имея в виду их публикацию в текущих выпусках журнала.

А.Н. Медушевский
Главный редактор журнала
«Российская история»

Примечания

¹ Каким быть журналу? // Отечественная история, 2008. № 5.

² В данной статье использованы материалы «круглого стола», проведенного в Петрозаводске 20 ноября 2008 г., а также статьи участников данного проблемного выпуска журнала, публикуемые ниже.

- ³ Подробнее: The Europe of Nations and Regions // Contemporary Europe. L.; N. Y., 2000.
- ⁴ См.: Северная Европа. Регион нового развития. М., 2008.
- ⁵ О связи регионализма с национализмом см.: Национализм в мировой истории. М., 2007.
- ⁶ *Платонов С.Ф.* Прошлое Русского Севера. М., 1923; *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929; *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947.
- ⁷ *Яцунский В.К.* Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955; *Медушевская О.М.* Историческая география как вспомогательная дисциплина. М., 1955.
- ⁸ См.: Историческая география России. М, 1970; История географии и историческая география. М., 1975; Материалы Всесоюзного географического общества. М., 1976 и последующие выпуски.
- ⁹ Исторический источник: человек и пространство. М, 1997. С. 22.
- ¹⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.
- ¹¹ Эти положения опираются на классические публикации и исследования: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1–2. М., 1952–1958; Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1–2. М., 1951–1956; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1959; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950; Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1–2. 1948–1951.
- ¹² Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика. М., 2006.
- ¹³ Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000; Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте. М., 2000. Федеральная реформа. 2000–2004. М., 2005.
- ¹⁴ Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003.
- ¹⁵ Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации XVI–XX вв. М., 2007.
- ¹⁶ Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context. Sapporo, 2008.
- ¹⁷ См.: Региональные школы русской историографии. Budapest, 2007.
- ¹⁸ Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006.

© 2009 г. Э. Г. ИСТОМИНА *

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР: региональный подход

Европейский Север – это обширная территория, характеризующаяся своеобразными природными условиями, выходом к северным морям, богатейшей историей освоения, широким пластом историко-культурных памятников и традиций. В экономике Российской Федерации – это Северный экономический регион, мощный хозяйственный комплекс, выделяющийся наличием запасов топливно-энергетических ресурсов, крупными залежами разнообразного минерального сырья, значительными запасами леса. Располагаясь на севере Восточно-Европейской равнины, он занимает также Карельский озерный край, Кольский полуостров и острова Баренцева моря. В Европейской России это самый крупный по территории регион – 1.5 млн кв. км (9% Федерации), но редко заселенный – 5.7 млн человек (3.9% в Федерации), особенно северная часть. В него входят Республики Карелия и Коми, области Архангельская (с Ненецким автономным округом), Вологодская и Мурманская¹.

Историография Европейского Севера имеет давние традиции – различные проблемы, связанные с его территорией, изучали экономисты, историки, этнографы, филологи, фольклористы и др. Однако исследование исторического процесса на этой территории в разные эпохи, социоэкономических и социокультурных явлений, этнической идентификации в основном тяготели и тяготеют к заданности традиционных исследований отдельных частей Европейского Севера (Поморья). «Есть издания, рассказывающие об истории Архангельска, Соловков, о северном деревянном зодчестве, ремеслах и фольклоре, но практически нет обобщающих научно-популярных работ об истории, культуре, экономике Поморья. Почему? Размышляя над этим вопросом, я пришел

* **Истомина Энесса Георгиевна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.